

Орловские дали поэта

года шелестел березками, сыпал дождями.

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

Действительно, долго ли? В конце мая ему исполнится тридцать. Позади — две ссылки и много утрат: пятеро героев 14 декабря повешены, десятки — в каторжных норах Сибири. Жаркие страсти южных поэм сменились холодным оценением толпы в «Борисе Годунове». Попытка устроить личное счастье не увенчалась успехом: на его предложение в доме Гончаровых ответили, что Наташа еще молода идти под венец...

Царь, привязавший к его слову вериги двойной цензуры, видимо, ждет, что бойкое перо недавнего михайловского затворника прославит графа Паскевича, поставленного на Кавказе вместо образованнейшего полководца, как будто поэт забыл собственные слова из «Кавказского пленника»: «Смирись, Кавказ: идет Ермолов!»

Как будто Пушкин не писал брату в 1820 году из Кишинева, что Ермолов наполнил Кавказ «своим именем и благотворным гением»... Это сказано о человеке, которого К. Ф. Рылеев в своем послании назвал «гением северных дружин». Поэт думал о нем в Михайловском, писал брату на Кавказ, спрашивая о знаменитом генерале, герое Отечественной войны 1812 года.

Теперь он увидит опального полководца. Увидит, хотя для этого приходится делать двести верст лишних.

И коляска из Белева покатила на Орел...

«...Из Москвы, — читаем в «Путешествии в Арзрум», — поехал я на Калугу, Белев и Орел, и сделал таким образом 200 верст лишних, зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я приехал к нему в восемь часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен. Через час я снова к нему приехал».

Дом отца и ныне можно увидеть на берегу Оки за городским парком. На стене — мемориальная доска. Могла бы там состояться встреча генерала и поэта? Приведенные строки ясно говорят, что Алексей Петрович и Петр Алексеевич жили в разных домах. Полководец бывал у отца, значит, ходил к нему. Если бы они жили под одной крышей в Орле, то зачем тогда «бывать»? Да и вряд ли можно было поместить под одну крышу с отцом генерала с сыновьями и с богатой библиотекой. Кроме того, в Орле, часто горевшем, опасно было держать книги в деревянном доме. Понятна забота Ермолова о доме каменном, двухэтажном. Вот там и должны были они встретиться.

Этот дом, как утверждает книга «Здесь жил Пушкин», изданная в Ленинграде в 1963 году, стоял на Борисоглебской улице (ныне ул. Салтыкова-Щедрина), на берегу Орлика. Сторонники этого адреса ссылались на свидетельство краеведа В. Н. Лясковского, получившего ценные сведения от Н. П. Киреевской, хорошо знавшей Пушкина...

4 июня, почти через месяц после отъезда поэта из Орла, пристав 3-й части доносил, что «чиновника Александра Пушкина... по тщательному моему и квартальных надзирателей розыскам в подведомственной мне части ныне не оказалось».

Искали и не нашли. Это дало основание кое-кому предположить, что Пушкин вообще приехал к Ермолову прямо в Лукьянчиково, как Денис Давыдов.

На орловских страницах «Бориса Годунова» первым обозначен Севск, где самозванец расспрашивает пленного о делах в Москве, а затем в лесу рассуждает о неудачном сражении, о храбрости Курбского:

*Я видел, как сегодня в гущу боя
Он врезался; тьмы сабель молодца,
Что зыбкие колосья, облепили...*

Затем упомянуты Кромы. Царь говорит Басманову:

*Он побежден, какая польза в том?
Мы тщетною победой увенчались.
Он вновь собрал рассеянное войско
И нам со стен Путивля угрожает.
Что делают меж тем герои наши?
Стоят у Кром, где кучка казаков
Смеются им из-под гнилой ограды.*

Под Кромами погиб Афанасий Иванович Пушкин, один из предков великого поэта. Другой предок сложил голову в схватке с поляками в Москве в 1611 году, третий командовал отрядом у Д. М. Пожарского в битве под Орлом в 1615 году.

Пушкин писал в «Моей родословной»:

*Водились Пушкины с царями,
Из них был славен не один,
Когда тягался с поляками
Нижегородский мещанин.*

Петр Михайлович Пушкин был достойным продолжателем рода, уходящего корнями в глубину русской истории, восходящего к легендарному Ратше, к Гавриле Олексичу — славному витязю Александра Невского. В 1648 — 1656 годах он служил воеводой во Мценске, Козлове и Олонце.

Наш край для него был родным. На реке Оке при впадении в нее ручья Бобрика находилось Тагино — вотчина Петра Михайловича. В пору проезда А. С. Пушкина через Орел Тагино принадлежало его дальнему родственнику Чернышевым.

С Захаром Григорьевичем Чернышевым (1796 — 1862), внуком фельдмаршала графа И. Г. Чернышева, поэт встретился в том же 1829 году на Кавказе. Один из современников вспоминал: когда Пушкин в палатке своего брата Льва с воодушевлением читал и переводил Шекспира, вошел Захар Чернышев, знавший английский язык, как родной, и признал чтение неправильным, а перевод похвалил.

На плечах нашего земляка в эту пору уже не было эполет ротмистра лейб-гвардии гусарского полка. После разгрома восстания декабристов он, член Северного общества, был сослан в Сибирь, затем определен в рядовые Нижегородско-го драгунского полка.

Пушкина, наверное, взволновала встреча с родственником. Ведь он через его сестру Александру (1804 — 1832), ставшую женой декабриста Н. М. Муравьева, отправил в Читу свое знаменитое:

*Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье.
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.*

Передавая послание, Пушкин горячо говорил о своих друзьях, сосланных в каторжные норы Сибири. Восхищенный подвигом их жен, он так крепко сжал руку Александры Григорьевны, что она не могла продолжать письмо, которое писала перед его приходом.

Отвезла она и стихотворение, адресованное лицейскому другу поэта И. И. Пущину...

Михайловское, Тригорское, Петровское — все это я увидел впервые, участвуя в Пушкинском празднике 1977 года. В музее под стеклом сразу же бросилось в глаза:

*Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты...*

Я с глубоким волнением подумал о родстве поэзии Пушкина с краем Тургенева и Фета, с городом гения чистой красоты и гения северных дружин, с городом, освобождение которого приветствовала первым салютом Москва, подарившая поэту жизнь.